

О.М. МИХАЙЛЕНКО, А.В. НАЗАРЕНКО

«ЖЕЛАЮЩИЕ МАШИНЫ», СЕТЕВАЯ АКСИОМАТИКА И КВАНТОВАЯ МЕХАНИКА

В статье предпринята попытка проследить, как интуитивная смена общественной аксиоматики в пользу сети как диссипативной системы, повлияла на смыслы политических, социальных, культурных и исторических событий и процессов, инициируемых ее узлами, делезовскими «желающими машинами». Показана логическая связь квантовой механики с сетевой аксиоматикой, позволяющей отказаться от «лапласовского» исторического детерминизма социальной системы и заглянуть за его теоретический горизонт.

Ключевые слова: сеть, диссипативная система, квантовая механика, сетевая аксиоматика, желаемая машина, цифра, кибернетика, эмпатия, время

Мир стремительно меняется на наших глазах и, хотя причиной этих изменений считается революция в информационно-технологической сфере, первой, с чего все началось, была все же гуманитарная сфера, т.е. все то, что связано с бытием человека – онтология, мораль, культура, социальность, психология и политика. Человек все больше осознает себя человеком. Расширились горизонты его разума, а, значит, множились научные открытия, теоретические разработки и практические результаты. Возникают закономерные вопросы – кто мы, по какой дороге и куда идем? Ведь революции случались и раньше, кардинально меняя общество, его политику, экономику и психологию.

В результате Английской революции открылся путь к промышленной революции. Великая французская революция, с ее знаменитым и по прежнему актуальным лозунгом «свобода, равенство, братство», показала всему миру новую модель социального устройства. Американская революция, положила начало единому федеративному государству, республике с сильной центральной властью и полным отсутствием сословий и сословных привилегий. Русская революция инициировала вал взаимосвязанных событий и процессов, которые прокатились по всему миру – военный коммунизм, германский национал-социализм, антифашизм, деколонизация, китайский и северокорейский национальный социализм, антитоталитаризм, и, в конце концов, перестройка, завершившаяся новым революционным потрясением – распадом государства и его возрождением в новом качестве.

Каждая из революций происходила из человеческой коллизии – «давления неустранимой социально-политической заданности», автором которой был сам человек, возможности и границы которого были до конца не ясны¹. Религиозный человек, поддерживаемый верой, признавал Бога как «другого», политический человек, поддерживаемый той или иной идеологией, признавал власть как «другого», психологический

¹ Гефтер 2017: 25.

человек уже сам по себе был сознателен и рационален, в результате чего каждая его социальная «итерация» неизбежно подходила к своему закономерному концу. Человеку всегда казалось, что он – результат собственного сознательного выбора, а, значит, способен создать такую идеальную модель социума, которая бы могла изменить его самого. Правда для этого нужно было отказаться от «лапласовского» исторического детерминизма социальной системы, которая должна быть устойчивой к «малым» возмущениям, и следовать прямо противоположному принципу – ее зависимости от управляющего воздействия каждого человека. Согласимся с Бодрийяром в том, что каждый новый порядок отделяется от порядка предыдущего революцией, но все они так или иначе привязаны к предыдущей фазе системы, а значит «оружие каждой из них» – это «ностальгически воскрешаемая реальность во всех ее формах» – диалектика, потребительная стоимость, прозрачность и целенаправленность производства, «освобождение» бессознательного, вытесненного смысла (т.е. означающего и означаемого по имени «желание») и т.д. Отсюда, идеальным содержанием любых революционных освобождений оказываются «призраки, поглощенные системой в ходе ее прежних революций и искусно воскрешаемые ею в виде революционных фантазмов»².

Дабы избежать замкнутого круга, человеку придется прекратить рефлексировать наличную данность и создавать понятия о том, что уже есть, а попытаться заглянуть за горизонт и понять то, чего еще нет, но что, даже в противовес здравому смыслу, способно возникнуть и проявиться. Ведь как доказала современная физика, знания о мироустройстве невозможно получить только благодаря непосредственным наблюдениям за вещами, видимыми и воспринимаемыми человеком. Квантовая теория, как фундаментальная теория микрообъектов оказалась столь фундаментальной, что область ее применения расширилась от описания наблюдаемых явлений до пределов, которые пока невозможно даже установить³. Графические фейнмоновские диаграммы взаимодействия, потоки в ренормализационной группе и пространство преобразования симметрии, интуитивно понятны человеку, хотя и крайне сложны для рационального технического представления и описания. Теория просто начала опережать практику.

Заметим, что многие на первый взгляд «завиральные» идеи физиков нашли свое продолжение в философии. Бергсоновское понимание интуиции как «вполне развитого метода» в философии, который имеет свои строгие правила, позволило в конечном счете показать, что интеллект человека – это способность интуитивно ставить проблемы и интуитивно различать в них истинное и ложное, тогда как инстинкт позволяет их решать. Проблема обретает решение в зависимости от способа ее постановки, условий возникновения и располагаемых к этому моменту терминов и средств. История человека в этом контексте «как с теорети-

² Бодрийяр 2000: 25.

³ Иванов 2012: 1.

ческой, так и с практической точек зрения» видится как «история конструирования проблем» и «осознание такой деятельности подобно обретению свободы»⁴. Следуя по этому пути, попробуем определить, как интуитивная смена общественной аксиоматики в пользу сети повлияла на смыслы событий и процессов, инициируемых ее узлами, роль которых будут играть делезовские «желающие машины».

Никто не планировал заранее ни информационный взрыв, ни сетевое общество. Мы просто стали свидетелями стихийной бифуркации в осмыслении сущности социальной системы по мере роста ее открытости. Способность социальной системы обмениваться материей, энергией и информацией с внешним миром, ее неравновесность в силу возникновения многополярности и ее нелинейность в силу усиливающегося влияния действий человека на действия других существенно возросли. Научные открытия и информационные технологии лишь подстегнули процесс создания новых связей не только между людьми как агентами, но и между ними и «невитальными» «квазиагентами» и силами-актантами, ранее воспринимаемыми исключительно в терминах объектов человеческого «желания»⁵. Возникли объективные предпосылки для возникновения новой версии комплексной социальности, воспринимаемой теперь как диссипативная система, сложность которой локализуется «на уровне интеракций между индивидами»⁶. Поскольку характерный размер флуктуаций, т.е. откликов на внешние воздействия, в этом случае, стал сравним с масштабом системы, она начинает реагировать на любое внешнее воздействие уже как целостная структура.

Рассуждая об источниках возникновения и развития сетевого общества, М. Кастельс отметил, что его генезис был обусловлен ходом истории. В начале 1970-х гг. в мире, по его мнению, параллельно протекали три важнейших, независимых друг от друга процесса – «информационно-технологическая революция»; «культурные и социальные движения» и кризис, «приведший к переструктурированию существовавших в то время социально-экономических систем» – капитализма и этатизма⁷. Остановимся на этом поподробнее, ибо невозможно избавиться от интуитивного ощущения взаимосвязанности этих процессов, один из которых, в результате окажется «ведущим». Несомненно, что капитализм как единственный существующий на настоящий момент способ устройства социальности со своими знаменитыми «300 процентами», ради которых «даже под страхом виселицы» стоит рискнуть, а также готовностью способствовать «шуму и брани» ради прибыли, можно рассматривать в роли социальной машины суицида, разрушающей мораль, культуру, и заодно, саму себя⁸. Поскольку задача социальной машины

⁴ Делез 2001: 229, 237.

⁵ Латур 2018: 266.

⁶ I. Prigogine: 892.

⁷ Кастельс 2000: 28.

⁸ Маркс 1960: 770.

всегда сводилась к «кодированию» потоков желания, их записи и регистрации таким образом «чтобы никакой поток не оставался незакрытым, неканализованным, неупорядоченным»⁹, речь, как мы видим, идет как раз об обратном – о раскодировании потоков, «компенсируемых пережитками и преобразованиями государства» как власти, пребывающей в состоянии перманентного риска со стороны их скрытых способностей, мощи и энергии¹⁰. Стремление человека окончательно освободиться от всякого влияния власти и оказаться, наконец, в циничном, прагматичном и бесконтрольном мире, в конечном счете, разрушит любую из его привязанностей к государству, последнему бастиону власти в современном социуме. В результате мыслимым пределом подобного десоциализированного экспериментирования видится анархия. Поскольку любое «дионисическое освобождение от оков индивида», ведет к исчезновению «*principii individuationis*» без которого не могут жить ни государство, ни патриотизм, человек окончательно избавляется от ностальгии по принадлежности и от всех модусов своей цивилизованности¹¹.

Все более и более абсурдная рационализация человеческого поведения вкупе с абстрактным трудом способствует «новой» конъюнкции в социальной машине, в корне изменяя ее аксиоматику на «машинную». Человек и машины, которые перестают быть инструментами, в ней оцениваются одинаково – как машины – с точки зрения выгоды инвестиций. Социум фактически «растворяется» в машинах, которые в свою очередь детерриторируются на обломках социума – в людях. Благодаря этому бессознательное как «безличный машинизм», превращает человеческое желание в «положительный нерепрезентативный поток»¹².

Согласимся с Делезом в том, что «общая для них теория – это обобщенная теория потоков»¹³. И если это так, то мы имеем дело с кибернетикой – «новым взглядом на технику связи и на автоматы как устройства связи (курсив наш – *О.М., А.Н.*)» с ее происходящим, усугубляющим самое себя¹⁴. Человеческое действие становится тем, что его к этому действию побудило – «желание», которому можно придать тот или иной смысл. Делезовское восприятие человека в качестве объекта – бинарной «желающей машины» с ассоциативным режимом функционирования, делает поток «желания» непрерывным, но фрагментированным, поскольку «каждая машина-орган интерпретирует весь мир согласно своему собственному потоку, согласно энергии, которая истекает из нее»¹⁵. Все это очень напоминает квантовую механику в которой все фундаментальные взаимодействия между частицами осуществляются

⁹ Делез, Гваттари 2007: 59.

¹⁰ Там же: 387.

¹¹ См.: Ницше 2009: 549-550.

¹² См.: Делез, Гваттари 2007: 532-533.

¹³ Там же: 413.

¹⁴ Винер 1983: 308.

¹⁵ Делез, Гваттари 2007: 19.

посредством испускания или поглощения ими «безличного» кванта поля, в результате чего они, в зависимости от их первоначальной внутренней степени свободы, превращаются в другие частицы¹⁶.

Поскольку «внутреннее» объекта программирует его же перепрограммирование через внешнее, т.е. «не только порождение вторично по отношению к циклу, но и передача вторична по отношению к информации или коммуникации», можно говорить о том, что человек действительно оказался на пороге настоящей кибернетической революции. Вывод о том, что «не существует передачи потоков в собственном смысле, а существует коммуникация кода или аксиоматики и комбинаторики, оформляющей потоки» (именно это исходно «определяют в нем коммуникацию бессознательных»), заставляет взглянуть на причины генезиса сетевого общества по-другому¹⁷. По нашему мнению, все дело в закономерной, хотя и интуитивной, смене общественной аксиоматики в пользу сети, рассматриваемой как совокупность связей между ее узлами – «желающими машинами», подкрепленной «помощью» со стороны «мощных рычагов техники»¹⁸. Подобная интуитивная смена аксиоматики, но основательно подкрепленная математикой, произошла и в физике, благодаря чему были разрушены классические «лапласовские» предрассудки, прочно ассоциируемые со здравым смыслом, к квантовой механике, которая была способна дать основу для понимания того, что происходило, происходит и может происходить на атомном и субатомном уровнях. То есть позволило заглянуть за «горизонт событий» – вперед и назад.

Нельзя сбрасывать со счета «кризисы» и «социально-культурные» движения, но в свете вышесказанного они приобретают не причинную, а несколько иную, событийную интерпретацию. Капитализм как «социальная машина суицида», оказался «бессмертным» благодаря переходу с внешнего уровня капитала на внутренний – на уровень «желающих машин». Социальные различия полностью «растворились», переходя в имманентную интенсивность «желания». Стремление современного человека, включенного в производственные цепочки, к «совершенству» подводит его к пределу, за которым он превращается в желающего «зомби», а значит путь от социальных вершин к «изгию» может оказаться весьма коротким. «Социальная смерть» не означает смерти физической. Ее можно рассматривать как переход к другому состоянию внешнему и внутреннему – человек остается жить, но в другом качестве. В этом контексте любые протестные «социально-культурные» движения окажутся направленными не на борьбу с обществом потребления, а на восстановление «многочисленных» человеческих ценностей, разрушенных безличной продуктивностью «желающей машины». По меткому выражению У. Эко, «достаточно одной правильно выбранной цитаты»,

¹⁶ См.: Иванов 2012: 3.

¹⁷ Делез, Гваттари 2007: 455.

¹⁸ Там же: 397.

чтобы из одной социальной группы человеку «пришлось перейти в противоположную». Если его немного перефразировать: на улицу всегда выходят структуры, тогда как «постструктуры» всегда остаются внутри безопасного и тихого места – человека, до момента, когда его желание и им же искусственно созданное совпадут между собой¹⁹.

Что касается «информационно-технологической революции», то тут оказалось все сложнее, поскольку далее речь пойдет о достаточно неоднозначной роли «мощных рычагов техники», заявленных выше в качестве помощников сетевой аксиоматики. Информационно-технологическая революция, действительно открыла перед человеком немислимые прежде возможности и горизонты знаний о себе и окружающем мире в контексте «желания». Вместе с тем возникли и ограничители со стороны – «цифры», которая лежит в основе всей современной техники. Архитектура и вычислительные мощности, обеспечивающие ее функционирование, достигли такого триумфа количественности, что неизбежно их превращение в средства прославления оккультной качественности «цифры». Вопрос в том, как ее интерпретировать, по каким правилам? Поскольку мы рассуждаем о возможностях вычислительной техники, оперирующей «цифрой», можно говорить не об открытии и изобретении новых математических правил в угоду человеческим желаниям, а о конструировании правил толкования цифрового текста в соответствии с ними. Ведь процесс вычислений можно представить как «игру» по правилам, диктуемым «желающей машиной», поступать именно так. Это еще больше усугубляет процесс абсурдной рационализации человеческого поведения, ибо «машина, заключенная в свое структурное единство», и «живое, заключенное в свое специфичное и даже персональное единство», становятся массовыми внешними феноменами или *молярными системами*, отсылающими друг к другу²⁰.

Правда, нельзя обойти и еще один факт. Речь идет о попытках вернуть машинное «желание» к эмпатии, причем не к старым призракам, которые продолжают его подталкивать к «клише» – к организации в очередную молярную социальную машину, а к новым культурным и социальным формам, позволяющим представить себя и мир иначе. Трудно не согласиться с делезовской интерпретацией «образов движения» при субъективизации «желающей машины». Несмотря на то, что его рассуждения проистекают из несколько другой сферы – кино, именно творческое начало, лежащее в его основе, и позволяет заглянуть за горизонт «машинной» реальности и переосмыслить ключевые проблемы нашего времени – субъективность, восприятие и время. Если «желающие машины» «являются схватываниями тотальными и объективными», то их восприятия могут быть «частичными и частными, субъективными»²¹. Освобождение от тотального «схватывания» образа «же-

¹⁹ Эко 2012: 27.

²⁰ Делез, Гваттари 2007: 450.

²¹ Делез 2004: 116.

лающей машины» ведет к появлению субъективного центра неопределенности – «образа-перцепции» как первому перевоплощению ее «образа-движения». Мир начинает «искривляться» вокруг «перцептивного центра». Вторым перевоплощением «образа-движения» «желающей машины», является ее «образ-действие», «искривляющий» мир, от «которого происходят сразу и виртуальное воздействие вещей» на нее, и «возможное воздействие ее на вещи». Интервал между «перцептивной» и «активной» гранью «желающей машины» занимает эмоция, возникающая в центре неопределенности, «то есть в субъекте, между в определенных отношениях смущающей перцепцией и нерешительным действием». Эмоция «представляет собой совпадение субъекта и объекта, или же способ, которым субъект воспринимает самого себя, а скорее, даже то, как субъект ощущает или чувствует себя «изнутри». То есть, всегда есть какая-то часть внешних движений «желающей машины», которыми «отмечается совпадение субъекта и объекта в беспримесном качестве», не преобразующих ни объектов перцепции, ни ее действий как субъекта. Таково третье, и последнее, перевоплощение «образа-движения», «образ-эмоция». «Желающие машины» «будучи живой материей или же центрами неопределенности», специализировали одну из своих граней и определенные точки, «превратив их в рецептивные органы» в то время как свою «активность делегировали органам реагирования, именно тогда освободив их»²². Можно говорить о том, что процесс «машинной» рационализации человеческого поведения на субъективном уровне замещается эмоциональным. То есть этика обрела потенциальную возможность трансформироваться из абстрактного набора учений об эмоциях и чувственности в комплекс связей и передаточных механизмов между содержанием «желаний», эмоционально-аффективно-рациональным поведением и общественными настроениями.

Остается еще один момент, связанный с информационно-технологической революцией – закономерная «дематериализация» «образа движения» «желающей машины» посредством «образа времени», который является «виртуальным». Благодаря возможностям современной вычислительной техники, позволяющей обеспечивать оккультную качественность «цифры» и конструировать математические правила толкования цифрового текста в соответствии с «желаниями» человека, появилась реальная возможность соединять виртуальный «образ-время» с актуальным «образом-движения» посредством «монтажа». Даже если представить, что эти «образы» противостоят друг другу, то очевидно, что «виртуальное» никак не противостоит реальному. Это очень важное положение, полностью совпадающее с положением квантовой теории о реальности, описываемой как суперпозиция «макроскопически различных состояний. То есть «сослагательное наклонение» в квантовой «многомировой истории» реализуется в бесчисленных вариантах, «в различных

²² Там же: 116-118.

параллельных мирах»²³. Возможность монтажа «виртуальности» дает возможность изменить его смысл, благодаря новой функции – «вместо того чтобы быть направленным на образы-движения, из которых он извлекал косвенный образ-время, он указывает на сам образ-время и извлекает из него отношения времени, от которых аберрирующее движение теперь может лишь зависеть»²⁴. «Желающая машина» получила возможность переходить из одного мира в другой, вход в другой мир, «взламывать» и «разведывать» его, поскольку речь больше не идет о переходе из одного обобщенного реального мира в частные призрачные миры, поскольку единственный реальный мир уже предполагал бы некие сходни, которые не даны нам в мирах, состоящих из образов грез»²⁵. Множественная «виртуальность» заставляет, в частности, взглянуть на социальную и культурную память, как на «образ-время», предполагающий аберрацию от распространенной вертикальной иерархической формы «подлинной истории»²⁶.

Из всего вышеизложенного напрашивается один вывод. Интуитивная смена общественной аксиоматики в пользу сети, подобно квантовой теории позволила взглянуть на происходящие в мире процессы с другого ракурса, с микроуровня, который в конечном счете определяет макроуровень. Мы видим, что субъективные «макросуждения» линейны, но ненаправлены, в то время как объективные «машинные» «микросуждения», наоборот – нелинейны, но направлены. То есть возможен реальный переход – замещение линейных цепей, нелинейными, а ненаправленных логических связей, направленными материальными потоками. То есть, при сетевой аксиоматике наблюдается кибернетический распад суждений – переход от трансцендентности к имманентности, от смыслов к функциям, и от господства к контролю. Все это напоминает падение Алисы в кроличью нору, где происходит бифуркация «желаний», которые обретают иные, отличные от привычных нам – традиционных, смыслы, а значит реальность может «искривляться» и «мультиплицироваться» до состояния, в котором будут возможны переходы между миром машин и миром людей.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с. [Bodrijyar JH. *Simvolicheskiy obmen i smert'*. M.: Dobrosvet, 2020. 387 s.]
- Буллер А., Линченко А. А. Культурная память как предмет философского осмысления // Диалог со временем. 2019. № 66. С. 5-18. Buller A., Linchenko A. A. *Kul'turnaya pamyat' kak predmet filosofskogo osmysleniya* // Dialog so vremenem. 2019. Vyp. 66. S. 5-18].
- Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. С. 308-314. [Viner N. *Kibernetika, ili upravlenie i svyaz' v zhitvotnom i mashine*. 2-e izd. M.: Nauka; Glavnaya redakciya izdaniy dlya zarubezhnyh stran, 1983. 308-314 s.]

²³ Иванов 2012: 473.

²⁴ Делез 2004: 338.

²⁵ Там же: 461.

²⁶ См.: Буллер, Линченко 2019: 17

- Гейфтер М. 1917: неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. Разговоры с Глебом Павловским. М.: «Европа», 2017. 219 с. [Geffter M. 1917: neostanovlennaya revolyutsiya. Sto let v sta fragmentakh. Razgovory s Glebom Pavlovskim. М.: Европа, 2017. 219 s.].
- Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с. [Delez ZH., Gvattari F. Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2007. 672 s.].
- Делез Ж. Кино. М.: Ад Маргинем, 2004, 624 с. [Delez ZH. Kino. М.: Ad Marginem, 2004].
- Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта. Бергсонизм. Спиноза М.: ПЕР СЭ, 2001. 480 с. [Delez ZH. Empirizm i sub"ektivnost': opyt o chelovecheskoj prirode po YUmu. Kriticheskaya filosofiya Kanta. Bergsonizm. Spinoza M.: PER SE, 2001. 480 s.].
- Иванов М. Г. Как понимать квантовую механику. М.- Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотичная динамика», 2012. 516 с. [Ivanov M. G. Kak ponimat' kvantovuyu mekhaniku. М.- Izhevsk: NIC «Regulyarnaya i haotichnaya dinamika», 2012. 516 s.].
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. 608 с. [Kastel's M. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. М., 2000. 608 s.].
- Латур Б. Политика природы. Как привить демократию. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с. [Latur B. Politika prirody. Kak privit' demokratiyu. М.: Ad Marginem Press, 2018. 336 s.].
- Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: ИПЛ, 1960. Т. 23. 907 с. [Marks K. Kapital // Marks K., Engel's F. Sochineniya. Izd. 2-e. М.: IPL, 1960. T. 23].
- Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Предсмертные афоризмы. Минск: Харвест, 2009. С. 436-572. [Nicshe F. Rozhdenie tragedii iz duha muzyki // Nicshe F. Tak govoril Zaratustra. K genealogii morali. Rozhdenie tragedii. Volya k vlasti. Predsmertnye aforizmy. Minsk: Harvest, 2009. P. 436-572.].
- Эко Р. Маятник Фуко. М.: АСТ, 2012. 832 с. [Еко R. Mayatnik Fuko. М.: AST, 2012. 832 s.].
- I. Prigogine Festschrift for Immanuel Wallerstein / Journal of World-System Research. Vol. 6. No.1 Spring 2000.Special Issue. Part II. P. 892-898.

Михайленок Олег Михайлович, доктор политических наук, профессор, заведующий, отдел исследования социально-политических отношений, Центр политологии и политической социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук; m-oleg-m@yandex.ru.

Назаренко Алексей Владимирович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, отдел исследования социально-политических отношений, Центр политологии и политической социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; alek_nazarenko@mail.ru.

Desiring-machines, network axiomatics and quantum mechanics

The article attempts to trace how an intuitive change in public axiomatics in favor of a network as a dissipative system has influenced the meanings of political, social, cultural and historical events and processes initiated by its nodes, Deleuze's "desiring-machines". A logical connection between quantum mechanics and network axiomatics, which makes it possible to abandon Laplace's historical determinism of the social system and look beyond its theoretical horizon, has been shown.

Keywords: *network, dissipative system, quantum mechanics, network axiomatics, desiring-machine, digit, cybernetics, empathy, time*

Oleg M. Mikhaylenok, Dr. Sc. (Pol.), Prof.; Head of the Department for Research of Social and Political Relations, Center of political science and political sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; m-oleg-m@yandex.ru
Aleksey V. Nazarenko, PhD (Pol.); Senior Researcher, Department for Research of Social and Political Relations, Center of political science and political sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; alek_nazarenko@mail.ru